

ЛЕВИАФАН

•

БЕГЕМОТ

•

ГОЛИАФ

• ГОЛИАФ •

Текст

МИСТЕР СКОТТ ВЕСТЕРФЕЛЬД

Иллюстрации

МИСТЕР КИТ ТОМПСОН

Обложка

МИСТЕР СЕРГЕЙ ШИКИН

ЭКСМО

Москва

2014

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
В 38

Scott Westerfeld
GOLIATH (Leviathan. Book 3)

© 2009 by Scott Westerfeld

First published by Simon Pulse, an imprint of Simon&Schuster Children's
Publishing Division. Translation rights arranged by Jill Grinberg Literary
Management, LLC and Andrew Nurnberg Literary Agency.
All rights reserved

Оформление серии и иллюстрация *Сергея Шикина*

Вестерфельд С.
В 38 Голиаф : роман / Скотт Вестерфельд ; [пер. с англ.
А. Шабрина]. — М. : Эксмо, 2014. — 512 с. — (Новая фан-
тастика).

ISBN 978-5-699-59812-0

В этом мире тоже не удалось предотвратить Первую мировую. Основанная на генной инженерии цивилизация «дарвинистов» схватилась с цивилизацией механиков-«жестянщиков», орды монстров-мутантов выступили против стальных армад.

Но судьба войны решится не на европейских полях сражений, а на Босфоре, куда направляется с дипломатической миссией живой летающий корабль «Левиафан».

Волею обстоятельств ключевой фигурой в борьбе британских военных, германских шпионов и турецких революционеров становится принц Александр, сын погибшего австрийского эрцгерцога Фердинанда. Он должен отстоять свое право на жизнь и свободу, победив в опасной игре, где главный приз — власть над огромной Османской империей. А его подруга, отважная Дэрин Шарп, должна уберечь любовь и при этом во что бы то ни стало сохранить свою тайну...

От автора множества всемирных бестселлеров! Впервые на русском!

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Александр Шабрин, перевод на русский язык, 2013
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-59812-0

*Всем влюбленным посвящается этот роман,
издавна хранимый в тайне и наконец
представленный любезному вниманию читателя*

• Г Л А В А 1 •

— Сибирь, — задумчиво проронил Алек.

Слово соскользнуло с языка ледышкой, холодной и твердой, как расстилающийся внизу пейзаж.

— Ее мы минуем не раньше чем завтра. — Дилан сидел за столом, все еще справляясь с завтраком. — А на все про все, чтобы пересечь такое пространство, уйдет не меньше недели. Чертовски большая страна эта Россия.

— И холодная, — добавил Ньюкирк. Он стоял рядом с Алеком у окна мичманской кают-компании, сжимая обеими руками кружку чая.

— Холодная, — повторил Бовриль.

Тварюшка теснее приникла к плечу Алека, сильно вздрогнув тельцем. В начале октября снега внизу еще не было, однако небо сияло льдистой безоблачной синевой предзимья. А на иллюминаторе тонким кружевом виднелась изморозь от предыдущей морозной ночи.

Еще неделя полета через эту пустыню, уныло думалось Алеку. Все дальше от Европы, от войны и от

его собственной участи. «Левиафан» все так же держал курс на восток, вероятно, в сторону Страны восходящего солнца, хотя направление это никто не подтверждал. Хотя Алек и помог британцам в Стамбуле, офицеры воздушного корабля по-прежнему относились к нему и к его людям немногим лучше, чем к пленным. Как-никак он принц жестянщиков, а они дарвинисты — Великая война двух технологий с каждым днем разгоралась сильнее.

— А как пойдем по дуге на север, так станет еще холодней, да намного, — прожевывая еду, заверил Дилан. — Так что доедайте лучше картошку: глядишь, согреетесь.

— Но ведь мы уже севернее Токио, — обернувшись, заметил Алек. — Зачем отклоняться от маршрута?

— Идем тика в тика, — успокоил Дилан. — Мистер Ригби на той неделе проработал для нас ортодромический курс по изгибу, так что мы чуть ли не сразу покрыли расстояние до Омска.

— Ортодро... что?

— Штурманская уловка, — пояснил Ньюкирк. Ондохнул перед собой на стекло иллюминатора и тут же пальцем нарисовал на нем улыбку печального клоуна. — Вот глянь: Земля круглая, а бумага плоская, так? А потому прямой курс, когда изображаешь его на карте, смотрится кривым. И в итоге ты всегда забираешься на север дальше, чем думаешь.

— Только если не ниже экватора, — вставил Дилан. — Там все с точностью наоборот.

Бовриль хихикнул, как будто кружные маршруты сами по себе смехотворны. Алек не понял ни слова из сказанного, да он и не ожидал ничего иного, уж если на то пошло.

Какой-то сумасшедший круговорот событий. Две недели назад он помог осуществить свержение оттоманского султана, правителя древней империи. Повстанцы благосклонно отнеслись и к его, Алека, советам, и к его навыкам вождения, и к его золоту. Сообща они одержали победу.

Здесь же, на борту «Левиафана», он был обычным балластом — пустым расходом водорода, как здешний экипаж именовал все ненужное. Он мог днями торчать возле Дилана и Ньюкирка, но был бесполезен как мичман. Он не умел считывать с секстанта, ловко вязать узлы или определять высоту корабля.

Но что хуже всего, в нем больше не нуждались на машинных платформах. За тот месяц, что он готовил восстание в Стамбуле, механику жестянщиков досконально изучили инженеры-дарвинисты. Так что Хоффмана с Клоппом управляться с двигателями больше не звали, а вместе с тем не возникало нужды и в переводчике.

Впервые попав на борт «Левиафана», Алек взлелеял мечту каким-то образом здесь пристроиться, служить. Но все, что он мог предложить — вождение шагохода, фехтование, знание шести языков, звание внучатого племянника императора, — здесь, на воздушном корабле, оказывалось бесполезным. Несомненно, Алек был куда ценней в качестве эффектно перешедшего на чужую сторону юного принца, нежели воздухоплователя. Все как сговорились превратить его в источник пустого расхода водорода.

Как раз сейчас Алеку вспомнилась фраза отца: «Единственный способ излечить невежество — признать в нем».

И Алек, тяжело вздохнув, сказал:

— Мистер Ньюкирк, я понимаю, что Земля круглая. Но я по-прежнему не могу уяснить смысла этого вашего изгиба по окружности.

— Это все яйца выеденного не стоит, если иметь перед собой глобус, — сказал Дилан, отодвигая тарелку. — В штурманской он как раз найдется. Надо будет как-нибудь прокрасться туда, в отсутствие офицеров.

— Очень здравая мысль, — откликнулся Алек, отворачиваясь от окна со сцепленными за спиной руками.

— Стыдиться тут, принц Александр, совершенно нечего, — успокоил его Ньюкирк. — С меня самого при прокладке курса семь потов сходит. То ли дело мистер Шарп: о секстантах знал, наверное, все еще до того, как поступил на службу.

— Не все столь везучи, — заметил Алек, — не у всех нас отцы авиаторы.

— Отцы? — Ньюкирк с озадаченным видом повернулся от окна. — А разве то был не ваш дядя, мистер Шарп?

Бовриль тихонько пискнул, запуская коготки Алеку в плечо. Дилан же промолчал. Он редко заговаривал об отце, погибшем у него на глазах.

Тот трагический случай, судя по всему, все еще не отпускал Дилана, и огонь был единственным, чего он побаивался. Алек мысленно обложил себя «думмкопфом». И зачем было этого человека упоминать? Неужели все еще злоба грызет за то, что Дилан управляется со всем лучше его, Алека?

Хотелось извиниться, но в этот момент снова ерзнул Бовриль и подался вперед, глядя в окно.

— Зверок, — пискнул лори проникательный.

В поле зрения плавно возникла черная крапинка, трепещущая в пустынной синеве. По мере приближе-

ния она оказалась достаточно большой птицей — куда крупнее соколов, нарезавших круги вокруг воздушного корабля в горах несколькими днями ранее. Судя по размеру крыльев и лап, явно хищник, хотя порода была Алеку точно неизвестна. Птица направлялась напрямиком к кораблю.

— Мистер Ньюкирк, вам эта птица не кажется странноватой?

Ньюкирк повернулся к окну и поднял морской бинокль, все еще висящий на шее с утренней вахты.

— Угу, — сказал он секунду спустя. — Кажется, это имперский орел.

Сзади спешно скрипнули ножки стула, и у окна появился Дилан, козырьком держа над глазами обе руки:

— Ух ты! И точно: двуглавый! Но эти империялы доставляют послания от самого царя...

Алек покосился на Дилана, думая, что ослышался. Как так, две головы?

Орел подплыл ближе, мелькнув мимо иллюминатора позолотой оперенья, вспыхнувшей под утренним солнцем. Бовриль, наблюдая все это, захихикал мелким бесенком.

— Он сейчас, наверное, на мостик? — полюбопытствовал Алек.

— Ага. — Ньюкирк опустил бинокль. — Важные сообщения направляются напрямиком к капитану.

Сумрачное настроение Алека осветил робкий луч надежды. Русские — союзники британцев, соратники дарвинисты, разработавшие мамонтин и гигантских боевых медведей. Что, если царю нужна сейчас помощь против армий жестянщиков и орел прилетел с предложением повернуть корабль обратно? Право, уж лучше

стужа на русском фронте, чем пустое времяпрепровождение в этом вакууме бездействия.

— Мне нужно знать, что в том послании.

— Прекрасно, — фыркнул Ньюкирк. — Почему бы тебе самому не отправиться и не расспросить капитана?

— Ага, — кивнул Дилан. — А заодно попроси его выделить мне каюту потеплей.

— А что в этом такого? — вскинулся Алек. — Я же у него пока еще не на гауптвахте.

Пару недель назад, по возвращении обратно на «Левиафан», Алек втайне ожидал, что за побег с корабля его за просто закуют в кандалы.

Однако корабельные офицеры отнеслись к нему с должным почтением. Может, оно и не так плохо, что все наконец знают: перед ними сын самого эрцгерцога Фердинанда, а не какой-нибудь бежавший от призыва дворянчик-австрияк.

— Какой, интересно, мог бы быть удобный повод для посещения мостика? — спросил он.

— А никакого и не надо, — отозвался Ньюкирк. — Птица летела от самого Санкт-Петербурга, так что нас все равно вызовут забрать ее на отдых и кормежку.

— Тем более что твое высочество в птичнике еще ни разу не был, — добавил Дилан. — А теперь будет повод наведаться.

— Спасибо, мистер Шарп, — сдержанно улыбнулся Алек. — Было бы в самом деле интересно.

Дилан возвратился к своей драгоценной картошке на столе, вероятно довольный тем, что таким образом разговор об отце был прерван (Алек до вечера решил извиниться). Через десять минут из трубы под потолком столовой высунулась вестовая ящерица и голосом рулевого провещала:

— Мистер Шарп, просьба явиться на мостик. Мистер Ньюкирк, доложиться на грузовую палубу.

Втроем они двинулись к двери.

— На грузовую палубу? — недоумевал Ньюкирк. — Это еще с какого перепугу?

— Может, хотят, чтобы ты еще на раз проверил запасы на складе, — рассудил Дилан. — А то вдруг вояж у нас теперь продлится дольше?

Алек невольно нахмурился. «Дольше» — означает ли это разворот в сторону Европы или же движение прежним курсом, на удаление? По пути к мостику чувствовалось, что корабль приходит в движение. Тревоги как таковой не звучало, но экипаж будто с цепи сорвался. Как раз когда Ньюкирк спускался к центральной лестнице, мимо проскочило отделение такелажников в аэрокостюмах и тоже устремилось вниз.

— Куда это они, черт их возьми? — удивился Алек. Такелажники испокон века работали наверху, в снастях, удерживающих огромную водородную мембрану корабля.

— Вопрос в точку, — ответил Дилан. — Похоже, послание царя поставило всех с ног на голову.

При входе на мостик стоял часовой, а к потолку в ожидании приказов лепилась дюжина вестовых ящериц. Обычно приглушенный, шум людей, живых существ и машин словно сделался резче, острее на слух. Бовриль на плече у Алека шевельнулся, и снизу сквозь подошвы почувствовалось, как двигатели заработали в ином темпе: корабль шел «полный вперед».

Наверху у главного корабельного штурвала в тесном кругу офицеров стоял капитан, держа в руках расписной свиток. Среди собравшихся выделялась доктор Барлоу со своим лори на плече и ручным сумчатым волком Таццой в ногах чуть сбоку.

«ДВУГЛАВЫЙ ПОСЛАНИК»

Справа от себя Алек услышал клекот и, повернув голову, оказался лицом к лицу с престранного вида созданием...

В клетку для почтовых птиц имперский орел не помещался и вместо этого мостился на сигнальном столике, переминаясь с одной когтистой лапы на другую; ерошились черные с глянцевитым отливом крылья.

То, что говорил Дилан, оказалось на поверку правдой. У существа было две головы и соответственно две шеи, обвивающие одна другую как пара черных пернатых змей. На глазах у оторопело застывшего Алека одна голова шикнула на другую; змеисто мелькнул в клюве красный язык.

— Боже правый, — выдохнул Алек.

— Что, не верил? — поддел его Дилан. — Я же говорил, имперский орел.

— Ты хотел сказать, чудище.

Вообще, впечатление такое, будто иногда существа-фабрикаты у дарвинистов изготавливаются не из соображений полезности, а лишь для того, чтобы смотреться поужасней.

Дилан пожал плечами:

— Двуглавая птица, только и всего. Как на царском гербе.

— Да, но на гербе-то она скорее символ.

— Ну да, символ и есть. Да еще и дышит.

— Принц Александр? Доброе утро. — Навстречу, отстранившись от группы офицеров, через мостик подходила доктор Барлоу с царским свитком в руке. — Я вижу, вам интересно наблюдать нашего гостя. А между тем это яркий образчик русского фабриката. Ну как, нравится?

— Доброе утро, мэм, — проямлил в ответ Алек. — Не знаю, что это за образчик и насколько он яркий,